

Studia Culturae: Вып. 3 (33): Res: Б.Г. Соколов, А.Е. Шабалина. С. 125-137.

Б.Г. СОКОЛОВ

Доктор философских наук

Профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики

Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

А.Е. ШАБАЛИНА

доцент, кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и культурологии

СПбГАУ

ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ВЕЩИ: СТАРТОВЫЕ ПОЗИЦИИ АНАЛИЗА

Современная гуманитарная научная рефлексия до сих пор не проявила то, чем является современная вещь. Вещный мир, окружающий нас, напоминает, по выражению Бодрийяра «буйную поросль», которая проживает процесс взрывного и мутирующего роста. В статье осуществляется попытка сформировать базовые, стартовые позиции для анализа современной вещи, одинаково применимые как к традиционной вещи, так и вещи в информационной культуре.

Ключевые слова: Вещь, традиционная вещь, вещь в информационной культуре.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ №17-03-00613 «Феномен вещи в информационной культуре».

B.G. SOKOLOV

Prof., Dr. of Science (Philosophy)

Departement of Cultural Studies, Philosophy of Culture & Aesthetics

Saint-Petersburg State University

A.E. SHABALINA

PhD of Philosophy, Associate Professor

Departement of Philosophy and Cultural Studies

SPbGAU

THE PHENOMENON OF THE MODERN THINGS: THE STARTING POSITION OF ANALYSIS

Modern humanitarian scientific reflection is still not clarified is what the modern thing. The real world around us, resembles, in the words of Baudrillard «lush growth», which is abiding in mutating process of explosive growth. In the article author attempt to form the basic starting positions for the analysis of modern things, are equally applicable both to the traditional things and things in an information culture.

Keywords: Thing, a traditional thing, a thing in the information culture.

This work was supported by Grant RFFI №17-03-00613 «the Phenomenon of things in the information culture».

Красивая фраза, с которой начинает свою работу Жан Бодрийяр «Система вещей»: «Поддается ли классификации буйная поросль вещей – наподобие флоры или фауны, где бывают виды тропические и полярные, резкие мутации, исчезающие виды? В нашей городской цивилизации все быстрее сменяют друг друга новые поколения продуктов, приборов, «гаджетов», в сравнении с которыми человек выступает как вид чрезвычайно устойчивый» [1; С.4] довольно цветасто и емко, с одной стороны, описывает то, что сейчас представляет собой тот вещный мир, который нас окружает. С другой стороны, эта фраза фиксирует отсутствие какой-либо внятной классификации и осмысления того, что с этой «буйной порослью вещей» делать как в теоретическом, так и в чисто практическом смысле.

Теоретическом: подходы и аналитики прошлых времен не «справляются» с теми новыми «гаджетами», которые все плодит и плодит перманентная научно-техническая революция, «помноженная» на постоянно взыскуемую современными обитателями городов потребность на новацию и «жаренность» прежде всего в отношении того, что нас окружает. Практическим: в самом деле, куда девать и как утилизировать весь этот подчас «одноразовый хлам», производящийся во все большем и большем масштабе и принявший уже вид «геологического процесса», ибо, увы, печально известны острова и архипелаги из неразлагающегося пластика. Этот пример – лишь один из огромного количества, как сейчас говорят, «кейсов», демонстрирующих «геологичности» подобных процессов общества потребления и торжества современной модели выстраивания вещного мира.

Эти две указанные проблемы тесно связаны. И вопрос не только в «формальном лозунге» о сопряженности практического и теоретического. Дело в том, что теоретически непроясненный и открытый статус современной вещи во многом сможет раскрыть тот смысл мира вещей, который во многом приводит к созданию печально известных архипелагов мусора. Теоретическая непроясненность, таким образом, порождает «горы аналитического мусора», а практическая – вполне зримые и навязчиво беспокоящие экологически «двинутое» современное сознание горы и острова вполне реальных отходов.

Цитата взята из работы Ж.Бодрийяра «Система вещей», французское название которой – «Le system des objets». С самим переводом названия книги на русский язык, как представляется, связан еще один, довольно важный для рефлексии о вещи, сюжет «чисто формально» «Le system des objets» можно перевести и как «Система объектов», и как «Система предметов», и – выбранный переводчиком вариант – как «Система вещей». Без сомнения, предложенный переводчиком С.Зенкиным вариант – «Система вещей» – более корректен как передающий-переводящий смысл того, о чем этот текст, ибо речь в книге как раз идет о том, что мы сейчас мыслим под титулом вещь. Но то, что «рядом» с понятием «вещь» «маячат» понятие «объект» и «предмет», не является случайным. И дело, конечно, не в той «терминологической» путанице или небрежности, которая свойственна обыденной речи, не сильно «замарачивающейся» научной строгостью и выверенностью¹, а в том, что в исторически сложилось так, что титулы «вещь», «предмет», «объект» довольно часто «менялись местами». Например, в эпоху немецкой классики в домене философского знания под вещью преимущественно мыслили (достаточно упомянуть кантовскую «вещь-саму-по-себе» как прекрасный пример «одной модели» понимания того, что такое «вещь») то, что мы сейчас предпочитаем именовать предметом или объектом. Подобное, конечно, случалось в истории идей, и случалось довольно часто и не только в отношении рефлексии о вещи. Язык «течет», «дрейфует», и не очень до сих пор реагирует на попытки выстроить единую и однозначную знаковую систему, в том числе единообразно и «на все времена» отражающую «систему вещей», «систему объектов». И прекрасный пример того, что до сих пор остается не очень тематически и терминологически зафиксированным феномен вещи – указанный «вольный» перевод работы Бодрийяра. Ибо, если уж буквально переводить, то objets – это скорее все же объект, поскольку точный эквивалент слова «вещь» во французском языке – это «chose». Как подтверждение того, что слово «вещь» более соответствует французскому слову «chose», можно сослаться на перевод названия работы другого столпа современной философской мысли Франции, а именно на перевод работы Мишеля Фуко «Les mots et les choses»: «Слова и вещи», где русское слово «вещь» передает французское «chose».

¹ В той ситуации, когда научное знание «свысока» смотрит на нестрогость повседневного языка, хочется вспомнить довольно мудрое наблюдение Э.Кассирера, отметившего в своем великолепном тексте «Философия символических форм», что язык из нестрогости и многозначности создает вполне продуктивные и позитивные возможности. А потому в этой нестройной повседневности все не так уж безнадежно и убого.

Возможно, что именно не совсем удобный – или жестче: непроясненный – статус современной вещи и вызывает указанную «путаницу» не только в философском дискурсе (философия уже давно к этому привыкла и лишь в лице особо «озадаченных» точностью представителей этой научной полянки мыслителей, например, Гуссерля или мыслителей т.н. аналитической традиции, пытается окончательно и «бесповоротно» договориться о терминах), но и проникла в умы филологов-переводчиков. Вещь – прежде всего как феномен культуры – изменяется в соответствии тем дрейфом, который можно зафиксировать в самой культуре. Соответственно, иногда то, что в одну эпоху именуют вещью, мыслят под словом или термином «вещь» оказывается лишь «гомологично»¹ тому, что под этим же термином мыслят в другую эпоху. А потому – неизбежная «путаница» в умах, проникающая и в ряды гуманитарного научного знания.

Не добавляет определенности к тому, *что* такое вещь, мыслимая из горизонта современности, а также тому, *как* конституируется в этой современности феномен вещи и то, что также зафиксировал в приведенном отрывке Бодрийяр: ускорение процесса создания новых вещей в современности, постоянное производство новых и новых предметов, устройств, гаджетов и т.п. Не в меньшей степени сложности ситуации добавляет и один существенный момент, а именно, вторжение, в том числе и в повседневность, новой медиальной среды Интернета, которая уже давно не просто добавочная или служебная реальность, но все больше и больше становится если и не единственной реальностью современности, реальностью самой по себе, то уж, по крайней мере, реальностью, обладающей ярко выраженной онтической преференцией.

Что же такое, эта самая вещь, которая оказывается в современности столь смутной и жестко тематически не фиксируемой? Вопрос, при всей своей простоте, не самый легкий, поскольку вещный мир по причине своей постоянной доступности и даже своей навязчивости, включен в то, что можно сказать самое ближайшее. А это ближайшее по причине своей близости оказывается всегда труднее всего для рефлексии. Вещь всегда не просто рядом, она – если выразиться гегелевским языком – «свое иное», а потому прояснение того, что такое вещь – не только трудно, но и сущностно значимо. Человек запечатлевает свое сознание и присутствие в вещи, в то, как он ее создает и как конституирует, как ее мыслит и как использует, каким смыслом ее наделяет и т.п. Мир вещей – это ставшая зримой «изнанка»

¹ Воспользуемся дихотомией, предложенной еще Освальдом Шпенглером, а именно дихотомией аналогия/гомология. Аналогия – это функциональная тождественность, гомология – тождественность формы того или иного феномена.

человека, а потому рефлексия о вещи – это прояснение не только жизненного мира человека, но и самого человека.

Но прояснение того, что такое эта самая по виду простая и вполне материальная и доступная нашему чувствительному аппарату, но, одновременно, трудная и загадочная в своей близости вещь, необходимо прояснить, хотя бы вчерне, что мы «hic at nunc» мыслим под вещью. Скажем сразу, мы не претендуем на чрезвычайную строгость и точность, но скорее на ограничение того достаточно «размытого» смыслового поля, которое ныне фиксируется в *понятие* вещи, ибо речь идет лишь о предварительном наброске, который в дальнейшем должен стать стартовой позицией более детальному и скрупулезному исследованию.

Итак, постараемся зафиксировать и описать *понятие* «вещь». *Понятие* вещи: т.е. то, что позволяет понять смысл того, что мыслиться нами, опять же «hic at nunc», под вещью. Иными словами, понять понятие как результат культурного конституирования данного феномена. При таком подходе к понятию, как результирующему процессу понимания, необходимо сразу же выделить культурную контекстуальность, из горизонта который мы мыслим. Ибо понять какой-либо феномен – это не только и не столько достичь «инсайта-понимания», но и, одновременно, определить смысловое поле феномена, т.е. «прорисовать» то, что включает этот феномен в общее пространство культуры, в нашем случае – в культуру современности.

Попытаемся теперь определить то понимание вещи, которое можно будет в дальнейшем подвергнуть феноменологическому (и не только) описанию. Для этой операции нужно не так уж много: толковые словари, в которых фиксируется значение того или иного слова. Конечно, может показаться, что подобный подход не очень научно-философичен. Но он имеет длительную традицию, традицию вопрошания значения того или иного термина, что было опробовано еще (не стоит об этом забывать) Аристотелем: в его «Физике», и «Метафизике», в которых создатель логики толкует о предельных вопросах, о сущем, его бытии, он «не гнушается» перечислениями смыслов, заключенных в том или ином понятии.

Итак, обратимся вначале для прояснения смысла «вещь» к толковым словарям. Перед нами сразу встает дилемма: к каким словарям обратиться для того, чтобы с их помощью зафиксировать основные значения того, что мыслиться под титулом «вещь». Можно, конечно, прежде всего прибегнуть к помощи к «классическим» толковым словарям русского языка, например, к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля или даже, если поновее то к словарю С.И. Ожегова, которые, конечно, прояснят для нас, что такое вещь, но прояснят, исходя из того культурно-исторического горизонта, когда эти словари создавались, т.е. из горизонта в первом случае середины XIX, а во втором случае середины XX века. Что-то, конечно,

может быть существенное и донесется до нас в отношении того, что мыслится нами уже во втором десятилетии XXI века в отношении вещи, но лишь как свидетельства «генезиса» понятия вещи, как исток для нашего понимания вещи, которое может случиться и оттолкнется (одновременно в двух смыслах слова «отталкиваться» как «исходить из» и «отвергать») от этого уже «архаичного» для нас понимания вещи, но и, одновременно, вряд ли вместит в себе всю ту буйную поросль вещей, о которой говорил Ж.Бодрийяр.

А потому более корректен следующий сценарий «словарной работы»: мы обратимся свежему «словарному сюжету», а именно к «Большому толковому словарю русского языка под редакцией С.А. Кузнецова [2], ибо этот словарь поновее, да и то, что там сказано в отношении вещи, нам более «научно симпатично». Наиболее существенные значения, которые выделяет этот словарь следующие:

«1. Всякий предмет, изделие бытового обихода, личного пользования, трудовой деятельности и т.п. Тёплые, носильные вещи. Бьющая в. Собрать, уложить свои вещи. Сдать вещи в камеру хранения (о багаже). На тарелке – самые вкусные вещи (разг.; продукты, кушанья). // Разг. О том, к кому относятся как к предмету своего развлечения, не считаясь с его собственными желаниями, интересами, потребностями и т.п. Дорогая, красивая в. (о женщине). Ребёнок не в.

2. Разг. Произведение искусства, науки. Слабая, сильная в. Сочинить оригинальную в.

3. Явление действительности, факт, обстоятельство, событие, случай и т.п.; нечто. Вникнуть в суть вещей. Обсудить сложившееся положение вещей. Вспомнить одну в. Случилась невероятная в. Кто ж рассказывает о таких вещах! Относись к этим вещам проще! Называй вещи своими именами (говори прямо, как есть, не юли). Нас не устраивает существующий порядок вещей (сложившиеся общественные отношения). * Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности! (Лермонтов).

◊ Вещь в себе. 1. В философии И. Канта: то, что существует независимо от сознания и является непознаваемым с абсолютной точки зрения. -2. О том, кто (что) является загадочным, непонятным для окружающих.

◁ Вещь, неизм.; в функц. сказ. (обычно с указат. местоим. это). Разг. Выражает признание значительности, важности, ценности чего-л. Путешествие – это в. Молодость – прекрасная в.! Дружба – великая в. Вещица; Вещичка (см.). Вещевой, -ая, -ое (1 зн.). В. склад. В. мешок (заплечный мешок, рюкзак). В-ая лотерея (в которой разыгрываются вещи). В-ое довольствие (бесплатное обеспечение определённых категорий работников форменной одеждой, обувью и т.п.). Вещный, -ая, -ое (1 зн.). В. мир(материальный). В-ое право (юрид.; имущественное право владения вещами). В-ая болезнь (разг.; = вещизм)[2].

Думаем, прежде всего, из перечисленных значений того, что такое вещь, наиболее существенен следующий: вещь и вещи окружают человека, включены в круг его бытования. Таковыми является, прежде всего, всякий предмет бытового использования: стоящий стул или кровать, лежащее на тарелке угощение, одежда, дом. Не в меньшей степени к мироокружью человека можно отнести и произведение искусства, которое вне этого пространства не будет этим произведением искусства (о чем, прекрасно осведомлены те «злобные живые организмы», которые немилосердно уничтожают оные без оглядки на их культурную и иногда вполне «материальную» ценность). Мы называем вещью и те события, о которых повествуется и которые маркируются как «факт действительности». Вещью именуется также и «юридическая вещь», которая не в меньшей степени включена в ойкумену человека, а потому неразрывно с ним связана в своем бытийствовании.

Иными словами, вещь – это то, что находится рядом с человеком и «интимно»-«непосредственно» включено в горизонт его бытования. Правда все те «феномены», смысл которых объединяется в общий титул «вещь», связаны с человеком по-разному, включены в горизонт его присутствия различным образом, и, соответственно, конституируются по-разному. Но так или иначе смысловым центром любой вещи, несмотря на то, что она «навязчиво» демонстрирует т.н. объективность своего существования, выступает человек. Да и объективность здесь скорее «физическая объективность», что ни в коей мере не говорит о смысловой объективности.

Скорее всего – это все что мы на данном этапе можем почерпнуть из толковых словарей, в данном случае словаря под редакцией С.А. Кузнецова. Но и это не так уж мало для начала разговора и прояснения того, что такое вещь. Тем более, что зафиксировано здесь довольно существенное в отношении того, что такое есть вещь, а именно тесная связь бытийствования вещи и бытийствования человека, включение вещи в горизонт присутствия человека.

В нашей повседневности (и именно для этого мы и обратились к толковым словарям, которые фиксируют в большей степени повседневный узус и значение того или иного слова), мы говорим о вещи и, соответственно, мыслим под вещью нечто, что несмотря на то, что «физически» отделена от человека (физически отделена, оговоримся, опять же довольно условно: мы можем без особых колебаний назвать вещью имплант или протез, находящийся «внутри» нашего тела), тем не менее включена в орбиту присутствия человека и вне этой очерченной области не имеет своего смысла. Вещь всегда включена в горизонт присутствия человека и обретает свою значимость и смысл именно в этом до предела инфицированным символизмом пространстве.

Но – и это существенно – вещь является неодушевленным предметом, ибо вещью мы не назовем ни животное, ни, тем более, человека, а если и назовем, то лишь для того, чтобы подчеркнуть некую безжизненность в чертах или поступках того или иного человека. Вещь – это неживой предмет из нашего непосредственного окружения или то, что будучи «объективным» все равно с нашим окружением связано. В большей степени вещью мы именуем же рукотворные предметы, т.е. то, что создано человеком, а потому изначально включено в горизонт его присутствия. И вещь в юриспруденции, как то, на что распространяется «власть» человека, и вещь как произведение искусства, также включены в орбиту жизни человека и окружают своей подчас «нематериальной вещественностью» нас.

Итак, под вещью мы мыслим рукотворный предмет, именно это фиксирует российский мыслитель В.Н. Топоров. «Прежде всего, вещь – про- ницательно замечает в своем тексте «Вещь в антропоцентрической пер- спективе» В.Н.Топоров – творение, элемент тварного мира, и как таковая она не может не нести отпечаток своего творца – человека. Именно чело- век определяет «человеческообразность» вещи – в том, что касается ее ве- личины, конструктивных особенностей, отчасти и материала, прочности, веса и т. п.» [3; С.91] Вещь, таким образом, является тем, что создано, со- творено в своих конститутивных моментах (т.е. в том, что именно делает вещь вещью) человеком и в этом отношении вещь не обладает «полно- стью» самостоянием, независимостью, но включена в горизонт присутст- вия человека, является частью его мира, а потому в ней, в вещи человек может видит свой мир и своего себя: «Поэтому в признаках вещи-объекта человек в известной степени, как в затуманенном зеркале, узнает и самого себя, субъекта восприятия признаков вещи» [3; С.92]. Вещь – не просто предмет, который в своей независимости предстоит перед нашим взором, она – часть того пространства, которое можно определить как «культура», «жизненный мир», и которая выстраивается в том же «стиле», что и «центр» этого пространства, а именно сам человек. Вещь и человек, не- смотря на то, что вещи присуще и самостояние, и определенного рода «от- деленность», тесно связаны и «взаимоопределяют» друг друга: не только человек создает и формует вещь, но и вещь, в свою очередь, изменяет и формует человека, уподобляет его себе и тому общему пространству, в котором и вещь, и человек бытийствуют. Подобное понимание вещи, как представляется, очерчивает тот горизонт, который позволяет включить в него всю ту «буйную поросль вещей», о которой говорит Ж.Бодрийяр и то, что можно предварительно маркировать как «вещное пространство» в вир- туальном мире Интернета, учитывая, что сама реальность этого мира и, соответственно, зона совместности с человеком, выстраивается иначе, чем это происходит в «архаической реальности» до-интернетного мира.

Но как бытийствует и событийствует вещь, включаясь в орбиту присутствия человека и, одновременно, включая и формуя самого человека в общий мир культуры? В чем заключается и, главное, как «развертывается» эта совместность человека и вещи? Именно в ответе на этот вопрос можно раскрыть то, что такое вещь, а также понять то, почему в разных культурных и исторических «локусах» за вещью резервируется различное значение и смысл, которые в том числе порождают определенную «путаницу» в слове, в котором «отливается», фиксируется то, что мыслится как вещь. В данной статье мы не сможем, конечно, особенно в отношении новой виртуальной реальности, добротнo и полно проанализировать этот процесс, прежде всего символического конституирования вещи, но лишь определить наиболее адекватный и продуктивный подход.

Вещь должна раскрыть себя как часть мира человека, и это является самым существенным для того, чтобы адекватно ее понять. Как нам представляется подобная схематика целостного понимания вещи, вещи как части жизненного мира человека довольно корректно (в своей схеме, конечно) прописана в некоторых работах М.Хайдеггера, идеи которых позволят нам разобраться во вселенной вещного мира.

Для этого обратимся вначале к одной довольно интересной работе М. Хайдеггера, которая так и называется «Вещь». Сразу скажем, что рассуждения М. Хайдеггера не во всем нас устраивают, особенно в той части, где для него может являться вещью и живое существо и холм («Но по-своему тоже вещи – ель и пруд, ключи и холм. Вещи, каждый раз по-своему веществующие, – цапля и лось, конь и бык» [4; С. 326]). Однако, как представляется, М.Хайдеггером схватывается «динамика» конституирования феномена вещи, причем не как «абстрактного конструкта», некой логической «переменной», способной вместить (и, соответственно, разместить на столе-таблице М.Фуко) и животное, только что разбившее кувшин, и животное, издавeка кажущееся мухой, и животное, принадлежащее императору, но как части нашего жизненного пространства, причем той части, которая связана внутренним сродством со всем сущим, которое это жизненное пространство со-ставляет.

Вначале рассмотрим, как «работает» немецкий мыслитель с вещью в статье, которая так и названа: «Вещь». Предметом его довольно «поэтического» анализа служит чаша, в которой, как и в любой другой, вещи можно обнаружить то, что делает эту вещь вещью, а именно самостояние, которое как раз и позволяет отличить вещь от предмета, которым вещь, конечно, может стать, но лишь тогда «когда мы ставим его перед собой, будь то в непосредственном восприятии, будь то в актуализации через воспоминание» [4; С. 321]. Именно на самостояние нацелено изготовление вещи. Вещь не поддерживается в этом отношении человеком, но пребывает в

своей тождественности, выполняя то, ради чего она была создана. В самом «результате» создания, однако, заключено многое. Вещь – в данном тексте чаша – это не просто конкретный предмет, который предстоит перед нами, вещь – в своем использовании-потреблении – соединяет то, что маркируется Хайдеггером как четверица: «В подношении чаши для возлиания пребывают по-своему божества, принимающие дар подношения как дар жертвоприношения. В подношении чаши всякий раз по-своему пребывают смертные и божества. В подношении чаши пребывают земля и небо. В подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные. Эти четверо связаны в своем изначальном единстве взаимной принадлежностью. Предшествуя всему присутствующему, они сложены в простоту единственной четверицы. В подношении полной чаши пребывает одно-сложность четырех. Подношение чаши есть дар потому, что дает пребыть земле и небу, божествам и смертным. Пребывание тут, однако, уже не просто постоянство чего-то наличного. Пребывание есть событие. Оно выносит четверых в ясность их собственной сути. От ее одно-сложности они вверены друг другу. Единясь в этой взаимопринадлежности, они выходят из потаенности. Подношение чаши дает пребыть одно-сложности четверицы всех четырех» [4; С. 321].

Вещь, таким образом, включает все сущностное в мире человека, соединяя в себе и божество, небо, землю и самого человека, использующего эту вещь- чашу как связь с этой «троицей», порождая общее пространство четверицы. Вещь собирает, конденсирует в своем использовании весь мир человека. И именно в этом собирании вещь веществует: «Вещь веществует. Веществование собирает. Давая сбыться четверице, оно собирает ее пребывание в то или иное пребывающее: в эту, в ту вещь» [4; С. 321].

Собирание в вещи четверицы не столь уж просто, это процесс, который М.Хайдеггер маркирует как «зеркальное отражение», не очень удачный, скажем прямо термин, ибо та «игра» во взаимоотражения, о которой говорит М.Хайдеггер и которая фактически конституирует конкретную вещь-чашу, в меньшей степени может быть описана, по нашему мнению, с помощью «визуального» образа отражения. Но в данном случае важно то, что М.Хайдеггер говорит о процессе конституирования, о том, что в этом процессе участвующие земля, небо, божество и смертный не безучастны друг другу, но включаются в процесс «сущностной взаимопринадлежности»: «Земля и небо, божества и смертные, сами собой единые друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы. Каждый из четверых по-своему зеркально отражает существо остальных. Каждый при этом по-своему зеркально отражается в свою собственную суть внутри односложности четверых. Эта зеркальность - не отображение какого-то изображения. Зеркальность, освещая каждого из четверых, дает их

собственному существу сбыться в простом вручении себя друг другу. В этой своей осуществляюще-высвечивающей зеркальности каждый из четырех играет на руку каждому из остальных. Осуществляюще-вручающая зеркальность отпускает каждого из четверых на свободу его собственной сути, но привязывает, свободных, к односложности их сущностной взаимопринадлежности.

Обязывающая свободой зеркальность - игра,веряющая каждого из четырех каждому от слаживающей поддержки взаимного вручения. Ни один из четырех не окаменевают в своей обособленной отдельности. Каждый из четырех, скорее, разобособлен внутри их взаимоврученности: до своей собственной сути. В этом разобособляющем взаимовручении собственной сути - зеркальная игра четверицы. От нее - доверительность простого единства четырех» [4; С. 324].

Таким образом, вещь высвечивается у М.Хайдеггера, прежде всего, как процесс, в который вовлечены не только человек, который создал или использует вещь, и сама вещь, но и тот горизонт смыслов и значений, который коннотативно присутствует через символизм неба и земли. Реальность вещи, впрочем, как и реальность сама по себе - это не просто результат - например, как у Канта - «полученных чувственных дат» и формирующих механизмов субъекта, но то, что присутствует в общем пространстве, что задевает в своем присутствии человека, что является общим пространством близи. Именно поэтому - довольно интересный пассаж в этой работе немецкого мыслителя - «Слово *res* у римлян именует то, что задевает людей, обстоятельство, спорный случай, казус [4; С. 322].

Надо сказать, что подобное понимание конституирования различных феноменов довольно «типично» для М.Хайдеггера, который мыслит любое сущее не как «монадоподобное», «самостоящее» образование, но как то, что включается в общий процесс выстраивания совместного культурного пространства, который мы предпочли бы маркировать как со-бытийный процесс конституирования реальности. Правда «участники» этого процесса - в зависимости от контекста того сущего, которое подвергается «экзистенциальной герменевтики» - несколько различаются. Упомянем лишь один из сюжетов, где Хайдеггером предлагается сходный герменевтический маневр, причем не в той части, где он рассуждает (и надо сказать: довольно корректно рассуждает) о вещности вещи, а в той части, где он подвергает истолкованию храма в его «Истоке художественного творения».

Хайдеггер как и везде в этой работе довольно поэтически проясняет «бытийный» смысл греческого храма как творения зодчества: «Творение зодчества, греческий храм, ничего не отображает. Он просто стоит в долине, изрезанной оврагами и ущельями. Он заключает в себе облик бога и,

замыкав его в своей затворенности, допускает, чтобы облик бога через открытую колоннаду выступал в священную округу храма. Посредством храма бог пребывает в храме. И это пребывание бога само по себе есть эта простирающаяся и замыкающая в своих пределах священная округа. Храм и округа храма не теряются в неопределенности очертаний. Творение храма слагает и собирает вокруг себя единство путей и связей, на которых и в которых рождение и смерть, проклятие и благословение, победа и поражение, стойкость и падение создают облик судьбы для человеческого племени. Владычественный простор этих разверстых связей есть мир народа в его историческом совершении. Из этих просторов, в этих просторах народ впервые возвращается к самому себе, дабы исполнить свое предназначение» [5; С. 75]. Храм, таким образом, собирает «в себе» мир в его истине и судьбе, т.е. в нем находят свою истину и боги, и смертные, и земля, и судьба человека. В этом отношении храм – это «точка» пересечения основных «силовых» линий мира человека, и в этой соотнесенности его с миром народа и его временением (прошлым и судьбой) его и следует понимать, но отнюдь не как, например, эстетический или сакрально-ритуальный объект.

В этих и других хайдеггеровских текстах, где он проясняет тот или иной феномен – от конкретной вещи до высказывания поэтов или философов – используется, как представляется, достаточно корректный герменевтический маршрут, вскрывающий со-бытийность любого сущего, любого феномена. «Жест (в широком смысле этого слова) – это когнитивная позиция, реакция, связанная с пониманием и включенностью в коммуникативный процесс. Будь то активные или пассивные телесные формы – все они сущностно интенциональны и ситуативны, укоренены в конкретной коммуникативной ситуации и не могут быть поняты вне ее контекста» [6; С. 49]. Любое высказывание, феномен, творение, поступок и т.п. должно истолковываться контекстуально, причем контекстуальность должна быть понята довольно широко как контекстуальность мироокружья человека. Именно поэтому в чаше, которую анализирует Хайдеггер «сплавляется» четверица, а в греческом храме соединяются воедино бог, человек, земля, судьба и прошлое народа, а башмаках, которые изображены на картине Ван Гога проступает земля и жизненный мир крестьянства.

И это верно, прежде всего, в отношении феномена вещи. Вещь – и как нечто самостоятельное, и как то, что создано руками человека – это то, в чем конденсируется жизненный мир, сам человек, она инфицирована этим жизненным миром. А потому, прояснение смысла того, чем является вещь, должно происходить «внутри» этого мироокружья исходя из тех онтических доминант, которые прочерчивают основную канву этого мира. И если речь будет идти о современности с ее «диктатом» виртуальной реальности, то и вещный мир в целом и конкретный современный гаджет, должны по-

ниматься и анализироваться исходя из основных прежде всего онтических диспозитивов этого нового мира, где реальность выстраивается хоть и по другим «канонам» и «правилам», но сами эти диспозиции как и диспозитивы «архаичной» реальности, символичны и контекстуальны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
2. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/вещь>.
3. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе //Aequinox. М., 1993
4. Хайдеггер М. Вещь / Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Издательство «Гнозис», 1993.
6. Морина Л.П. Когнитивные аспекты телесности // Вестник СПбГУ. Серия 6. Выпуск 4. 2013. С. 46-52.

TRANSLIT

1. Bodrillard J. Sistema veshchey. M.: Rudomino, 1995.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A-YA / RAN. In-t lingv. issled.; Sost., gl. red. kand. filol. nauk S. A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 1998. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/veshch'>.
3. Toporov V.N. Veshch' v antropocentricheskoj perspektive //Aequinox. M., 1993
4. Heidegger M. Veshch' / Hajdegger M. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993.
5. Heidegger M. Istok hudozhestvennogo tvoreniya / Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1993.
6. Morina L.P. Kognitivnye aspekty telesnosti // Vestnik SPbGU. Seriya 6. Vypusk 4. 2013. S. 46-52.